

Цзинь Луаньдянь положил Юэ Гуаньшаня обратно на кровать. Юэ Гуаньшань был липким, как будто прилип к рукам, и Цзинь Луаньдянь отпускал его медленно, не желая, но вынужден был это сделать. Он приготовился выйти за Шэнь Хуайчжаном, но тот не собирался уходить. Он сидел на кровати, удобно откинувшись назад, и его слова были тщательно взвешены:

— Ну же, сначала докажи мне, что он не твой любовник, а потом поедешь со мной в Фэнтянь. Я прощу тебе всё, что твой старший брат сделал со мной. И ещё — я терпеть не могу войну, а этот тип не даёт мне покоя.

Цзинь Луаньдянь думал, что когда-то принял неверное решение. Он отчётливо понимал: у стен есть уши. Но всё равно, движимый ненавистью, пошёл напролом. Он забыл, насколько стар и коварен Шэнь Хуайчжан, и не должен был тогда, поддавшись минутному порыву, требовать у него те пятьсот тысяч фунтов. Один неверный шаг — и партия проиграна. Он не знал, сколько таких шагов уже сделал, каждый из которых заставлял его идти по тонкому льду. Даже если бы рядом был Лун Юйлинь, даже если бы Юэ Гуаньшань любил его, он всё равно оставался один. Дать пощёчину, а потом угостить сладостью — это легко принять. Но если порядок перевернуть, горечи окажется вдвое больше, чем сладости. С тех пор как он и Юэ Гуаньшань полюбили друг друга, за каждой сладостью следовала пощёчина, и его уже давно оглушили, а горечь и представить нетрудно. Он всегда помнил доброту Юэ Гуаньшаня, их чувства постепенно становились чище. Возможно, он смог бы принять вечную разлуку, но ни за что не хотел, чтобы Юэ Гуаньшань ненавидел его. Если бы упрямое отрицание могло помочь, в мире живых не нужны были бы суды, в мире мёртвых — судьи, и ему не пришлось бы бояться какого-то Шэнь Хуайчжана.

— Я не поеду в Фэнтянь, я останусь с моим старшим братом, — сказал Цзинь Луаньдянь, но в его глазах читалось выражение обречённого ягнёнка.

Шэнь Хуайчжан промолвил:

— Не вернёшься? Цзинь Ю хочет тебя видеть.

Цзинь Луаньдянь покачал головой:

— Я с ним не близок.

Шэнь Хуайчжан продолжил:

— Но твой третий брат тоже хочет тебя видеть. Он помнит твоё имя, помнит имя твоего старшего брата, но не может вспомнить, кто я...

Внезапно Цзинь Луаньдянь занёс руку и ударил Шэнь Хуайчжана по лицу, сжав кулак и крича в истерике:

— Тварь! Ты подонок!

Шэнь Хуайчжан с недоверием поднял руку и прикрыл щёку, одновременно его лицо потемнело. Шэнь Чжэнжун задолжал ему слишком много, настолько, что он считал, будто все ему должны.

Неважно, убийство, поджог, изнасилование или грабёж — если он того желал, он считал это должным. Цзинь Луаньдянь не мог его запугать, только разозлить.

Схватив кулак, которым Цзинь Луаньдянь замахнулся, Шэнь Хуайчжан с лёгкостью повалил его на кровать. Его мастерство в кулачном бою было непревзойдённым, он был лучшим учеником в своём выпуске. И даже так Шэнь Чжэнжун не достаивал его прямым взглядом. Шэнь Хуайцзин, этот глупец, проваливший небеса, — главнокомандующий трёх армий, и того могли запросто взорвать, а Шэнь Чжэнжун всё ещё не мог из-за него ни есть, ни пить. Шэнь Хуайчжан был в тупике, в полном тупике. Ему нужно было живое существо, чтобы излить свою обиду — тот, кто его ненавидел, убегал от него, презирал его.

Цзинь Луаньдянь бросился на грудь Юэ Гуаньшаня, желая, чтобы тот проснулся, но его дыхание пугало. Шэнь Хуайчжан был как гора, давящая на него, ломающая кости, смещающая суставы, оставляя ему возможность двигать только головой. Голос Цзинь Луаньдяня стал прерывистым и сдавленным, он простонал:

— Верни мне моего брата Хунци...

Шэнь Хуайчжан за его спиной превратился в огромную чёрную тень, зловеще произнеся:

— Хочешь — иди и забери его сам. Ты думаешь, я тебе его подарю?

Цзинь Луаньдянь уткнулся лицом в сгиб руки Юэ Гуаньшаня. Теплота его тела вызывала лёгкое удушье, глаза горели и наполнялись влагой. Он сдавленно, с рыданием, выдохнул:

— Шэнь Хуайчжан, я тебе ничего плохого не сделал, не обижай меня. В крайнем случае, сломай мне ногу, только не мучай.

Шэнь Хуайчжан навалился на него сверху, запустил руку ему за пазуху, расстегнул жилет, затем одну за другой расстёгивал пуговицы рубашки. Проведя ладонью по тёплой и мягкой коже живота, Шэнь Хуайчжан мигнул:

— Ты только что ударил меня по лицу. Я очень зол.

Цзинь Луаньдянь слегка заёрзал, но его спина плотнее прижалась к груди Шэнь Хуайчжана. Он чувствовал себя несправедливо обвинённым, хуже, чем Дуань Э:

— Мой третий брат тебе ничего плохого не сделал, не надо так поступать.

Услышав это, Шэнь Хуайчжан вспомнил Бай Хунци. Тот никогда никому не улыбался, его лицо было как деревянная маска, и он казался ещё более нечеловечным, чем сам Шэнь Хуайчжан. Шэнь Хуайчжан стянул с него пояс, ладонью помял его ягодицы, и в нём возникло странное заблуждение, отчего движения стали мягче:

— Я думал, что переборщил, издеваясь над твоим братом, но потом обнаружил, что он, похоже, и сам был не в себе, да ещё и сильно. В Фэнтяне у него нет ни одного родственника. Хочешь навестить его?

Страх Цзинь Луаньдяня перед Шэнь Хуайчжаном был искренним. Услышав связанные с ним места и вещи, он инстинктивно сопротивлялся. Он покачал головой:

— Я не поеду.

Шэнь Хуайчжан стянул с него брюки, погладил гладкую и чистую внутреннюю сторону бёдер, ткнул пальцем в его задний проход. Цзинь Луаньдянь затрепетал всем телом. Он жалобно простонал:

— Не надо... Мой старший брат, мой старший брат...

Шэнь Хуайчжан взглянул на Юэ Гуаньшаня и с презрением сказал:

— Твой старший брат и вправду бесполезен. Как это так, чтобы его, здорового, схватили?

Цзинь Луаньдянь оказался между двух огней: перед ним — Юэ Гуаньшань, позади — Шэнь Хуайчжан. Если бы Шэнь Хуайчжан разболтал его секрет, ему вряд ли удалось бы выбраться из «Лишуньдэ» живым и вряд ли удалось бы в последний раз увидеть Лун Юйлиня.

Проведя некоторое время с Шэнь Хуайчжаном, Цзинь Луаньдянь постепенно начал понимать его характер и повадки: чем больше ты ему сопротивляешься, тем больше он хочет тебя дразнить; если сдашься — часто достигаешь цели с половинными усилиями. Цзинь Луаньдянь схватил руку Шэнь Хуайчжана и, дрожа, произнёс:

— Брат Шэнь, прости. Я больше не буду убегать, я буду послушным, не буду тебя злить, отпусти меня, хорошо?

— Хе, — Шэнь Хуайчжан усмехнулся бесчувственно:

— Кого ты пытаешься обмануть?

Цзинь Луаньдянь не мог вынести вида лица Юэ Гуаньшана и, глухо и робко, сказал:

— Умоляю, отпусти моего третьего брата. Он болен, у него странные привычки, в припадке он всё ломает, с ним трудно ужиться. Он сумасшедший, только будет тебя злить, отпусти его домой.

Слушая его лёгкий, тонкий голос, Шэнь Хуайчжан, даже когда тот молил о пощаде, не давал ему никакой надежды:

— Твой третий брат... он мне очень нравится. И вся ваша семья Лун мне очень нравится.

Члены семьи Лун с детства привыкли жить на высоте, в них от природы была неприступная надменность. Даже впав в нищету, они сохраняли достоинство, которое трудно было осквернить. Это вызывало у Шэнь Хуайчжана болезненную одержимость. Цзинь Луаньдянь был таков, а уж Бай Хунци — и говорить нечего.

Шэнь Хуайчжан ухватил Цзинь Луаньдяня за талию, заставил его поднять ягодицы, плюнул на то отверстие, затем расстегнул ширинку, вытащил свой грозный, твёрдый член и начал тыкать им между его ягодиц. Колени у Цзинь Луаньдяня подкосились, он не мог стоять на коленях. Когда он попытался вырваться, Шэнь Хуайчжан, как огромное чудовище, с грохотом рухнул на него сверху.

Цзинь Луаньдянь вскрикнул от боли, всё его тело напряглось, окоченело, но не могло не дрожать. Брови Юэ Гуаньшаня дрогнули. Цзинь Луаньдянь в ужасе разрыдался, инстинктивно прикрыл Юэ Гуаньшаню глаза, затем зажал себе рот, вынужденно принимая проникновение Шэнь Хуайчжана.

Шэнь Хуайчжан не проявлял ни капли жалости, почти без эмоций. Если и была в нём какая-то эмоция, то, наверное, оттого, что через Цзинь Луаньдяня он думал о Бай Хунци. Бай Хунци был не таким смиренным. Он, в отличие от Цзинь Луаньдяня, не был опутан заботами, не считал свою жизнь жизнью, поэтому был способен на что угодно. Если Шэнь Хуайчжан хотел с ним переспать, приходилось сначала приказывать связать его, затем вливать ему крепкий напиток со снотворным, причём строго контролировать дозу. Иначе, если тот напьётся и уснёт, это было бы похоже на изнасилование безжизненного прекрасного трупа. Ему такое не нравилось. Ему нравилось, когда он сам был в ударе, а Бай Хунци хоть немного реагировал.

Прямо как сейчас. Юэ Гуаньшань был одурманен, но не полностью потерял сознание. Он слышал шум и гам, но не мог разобрать конкретных звуков; чувствовал, что кто-то лежит на нём и трётся, хотел оттолкнуть, но не мог управлять своими конечностями; иногда постанывал, временами бормотал что-то. Этого было достаточно, чтобы Цзинь Луаньдянь дрожал, сжимая его внутри, что доставляло Шэнь Хуайчжану огромное удовольствие.

Шэнь Хуайчжан целовал его за ушами и на шее, насмешливо говоря:

— Тебе нравится, когда на тебя смотрят? Так сильно сжимаешься? А? Если бы здесь лежал твой старший брат, боюсь, ты бы вообще не позволил мне выйти.

<http://bllate.org/book/15577/1386929>